

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА ПО УК РФ

В статье анализируется состав фиктивного банкротства как преступления по УК РФ. Акцентируется внимание на особенностях использования оценочных признаков при квалификации данного преступления и назначения за него наказания.

Ключевые слова: банкротство, фиктивное банкротство, оценочные понятия, оценочные признаки, назначение наказания, квалификация преступления.

E.V. Hristenko

VALUATION SIGNS OF FRAUDULENT BANKRUPTCY BY THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article analyzes the composition of fraudulent bankruptcy as a crime under the Criminal Code. The attention is focused on the features of valuation signs using in the qualification of this crime and sentencing for it.

Keywords: bankruptcy, fraudulent bankruptcy, valuation concepts, valuation signs, sentencing, the qualification of the crime.

Ст. 197 УК РФ определяет фиктивное банкротство как заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Подобное определение фиктивного банкротства в УК РФ не согласуется с положениями действующего Федерального закона от 26 октября 2002 г. «О банкротстве (несостоятельности)» (далее – Закон).

Ст. 2 Закона определяет несостоятельность как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Таким образом, лишь соответствующее решение арбитражного суда (ст. 51–53 Закона) является основанием, позволяющим говорить о должнике как о несостоятельном, «никто не может быть в несостоятельности прежде, чем она объявлена будет судом».

Представляется, что указание в диспозиции ст. 197 УК РФ на объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о его несостоятельности, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельно-

сти в рамках действующего Закона не наполнено правовым содержанием, поскольку он не представляет подобных правомочий перечисленным в ст. 197 УК РФ субъектам, т.е. по-прежнему наблюдается несогласованность употребляемых в контексте ст. 197 УК РФ терминов с аналогичными понятиями, используемыми в гражданском законодательстве.

Комментируя ст. 197 УК РФ, большинство авторов допускали как внесудебный (посредством добровольного объявления о банкротстве должника), так и судебный (посредством обращения в арбитражный суд с заявлением должника о признании его банкротом) порядок совершения указанных в диспозиции действий [1].

Другие авторы отвергают судебный порядок совершения фиктивного банкротства, указывая, что «такой подход... представляет собой необоснованно широкое толкование понятия «объявление о несостоятельности», «объявление о банкротстве и обращение должника в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом – различные правовые категории» [2, с. 25].

Следует признать, что подобное толкование сегодня термина «объявление о несостоятельности» не может являться буквальным; оно, скорее, производится на основе системно-исторического толкования норм законов о несостоятельности 2002 г., в котором присутствует некоторый элемент искусственности, однако подобное толкование в настоящее время является необходимым допущением, которое позволяет компенсировать

¹ Аспирант НОУ ВПО «Российский новый университет».

недостатки законодательной конструкции объективной стороны фиктивного банкротства.

Более правильным и эффективным выходом из сложившейся ситуации является внесение законодателем в диспозицию ст. 197 УК РФ соответствующих изменений, направленных на унификацию оценочных терминов для целей уголовного и гражданского законодательства. Говоря о содержании подобных изменений, представляется удачным предложение В.И. Тюнина о том, что «наступление уголовной ответственности должно быть связано не с фактом ложного объявления о несостоятельности, а с фактом подачи заявления должника в арбитражный суд» [3, с. 32]. В пользу данной инициативы говорят и Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г., согласно которым определение признаков фиктивного банкротства производится в случае возбуждения производства по делу о банкротстве по заявлению должника.

Н. Беркович, критикуя подобное толкование термина «объявление о несостоятельности», указывает на то, что «если понимать объявление о банкротстве как обращение должника с заявлением в арбитражный суд, то придется привлекать лиц к уголовной ответственности за подачу заявления в суд, что недопустимо, поскольку право на обращение в суд является конституционным правом» [4, с. 16].

Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. При этом ст. 7 Закона о несостоятельности наделяет должника правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом, а ст. 8 Закона устанавливает основания возникновения этого права. Однако заведомо ложное заявление в арбитражный суд о неплатежеспособности должника не имеет ничего общего с конституционным правом на судебную защиту. Отсутствие оснований, предусмотренных ст. 8 Закона, не позволяет также рассматривать такое обращение в арбитражный суд как реализацию соответствующего права (ст. 7 Закона).

В данном случае, скорее, надо говорить о злоупотреблении этим правом и нарушении принципа, закрепленного ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление субъектом своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

Отвергая суждение Н. Беркович, необходимо указать на то, что и сам Закон предусматривает наступление гражданско-правовой ответственности в случаях, если заявление подано должни-

ком в арбитражный суд при наличии у того возможности удовлетворения требований кредиторов в полном объеме (п. 3 ст. 10), что также свидетельствует об отрицательной оценке законодателем правомерности подобного поведения.

Другие проблемы применения ст. 197 УК РФ обусловлены непоследовательным разграничением по объективной стороне составов преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, и неправильным пониманием криминальной сущности фиктивного банкротства. Этим же можно объяснить ошибочность мнений ряда авторов об отсутствии общественной опасности фиктивного банкротства.

В ст. 197 УК РФ при описании состава преступления законодатель использует понятие «фиктивное», содержание которого в диспозиции раскрывается через близкое ему по значению словосочетание «заведомо ложное», что подчеркивает противоправность обращения с соответствующим заявлением в арбитражный суд. При этом оценочный признак «заведомость» означает, что субъекту преступления достоверно известно отсутствие оснований для подобного обращения.

Таким образом, фиктивность определяется наличием у должника финансовых и материальных средств для полного погашения долгов, однако субъекты преступления ложно заявляют в арбитражный суд о неплатежеспособности должника. Как справедливо отмечает П.С. Яни, при фиктивном банкротстве «виновным собою является лишь видимость банкротства... при том, что на самом деле оснований для объявления банкротом... не имеется» [5, с. 27]. Напротив, при преднамеренном банкротстве неплатежеспособность является реальной, фактически существующей. Об этом же говорит Закон о несостоятельности, который не называет преднамеренное банкротство в качестве основания для отказа в признании должника банкротом, а фиктивное банкротство, ввиду того что неплатежеспособность должника является мнимой, является основанием для отказа в признании должника банкротом (ст. 55 Закона).

Исходя из диспозиции ст. 196 УК РФ, банкротство должника является желанным для виновных; при фиктивном банкротстве состояние неплатежеспособности не является самоцелью субъектов преступления, а ложное заявление о неплатежеспособности должника направлено на получение различных уступок по его обязательствам.

Создание фиктивной неплатежеспособности может сопровождаться совершением различных действий, в том числе предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ. В отличие от ч. 1 ст. 195 УК РФ

в данном случае эти действия являются возможными способами совершения действия – «заведомо ложного публичного объявления о несостоятельности». При этом ч. 1 ст. 195 УК РФ запрещает соответствующие действия лишь в определенной обстановке – «при наличии признаков банкротства», которая отсутствует при совершении фиктивного банкротства, а потому нельзя утверждать, что именно указанные действия криминализируют последнее.

Критикуя нормы УК РФ о фиктивном банкротстве, И.А. Клепицкий указывает, что законодателем «игнорируется тот факт, что злостный банкрот вовсе не объявляет о своей несостоятельности, а, напротив, стремится по возможности отдалить возбуждение судебных процедур...» [7, с. 186]. Данное мнение основано на отождествлении злостного и фиктивного банкротств, что представляется неверным, поскольку различен механизм причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам. Суждение И.А. Клепицкого справедливо в отношении злостного банкротства, когда у хозяйствующего субъекта тяжелое финансовое положение и наличествуют признаки банкротства, при этом субъекты преступления, как правило, не только не заявляют о неплатежеспособности должника в арбитражный суд, как того требует ст. 9 Закона, но и пытаются скрыть подобное положение перед заинтересованными лицами, чтобы иметь возможность совершить указанные в ч. 1 ст. 195 УК РФ неправомерные действия.

В отношении криминальной сущности фиктивного банкротства является верным суждение Ю.В. Тая о том, что «при хорошей подготовке со стороны злонамеренного предпринимателя быть банкротом даже выгодно... недобросовестные бизнесмены... используют предоставляемые законодательством льготы и поблажки в своих корыстных целях» [7]. С. Векленко и Е. Журавлева также заявляют о том, что при фиктивном банкротстве уклонение от исполнения обязательств должника перед кредиторами происходит «с использованием тех льгот, которые представляет институт банкротства» [8, с. 22–26]. В рамках действующего законодательства о несостоятельности очевидны негативные последствия ложного заявления в арбитражный суд о неплатежеспособности должника.

Согласно п. 2 ст. 62 Закона, при возбуждении дела о банкротстве на основании заявления должника наблюдение вводится с даты принятия арбитражным судом заявления к производству. При этом в силу п. 1 ст. 63 Закона с даты введения наблюдения приостанавливается исполнение исполнительных документов по имуще-

ственным взысканиям; запрещаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая), выплата дивидендов и иных платежей по эмиссионным ценным бумагам. Аналогичные меры предусмотрены Законом в ходе финансового оздоровления и внешнего управления. С учетом длительности процедур банкротства нетрудно себе представить неблагоприятные для заинтересованных лиц имущественные последствия необоснованного возбуждения дела о банкротстве должника.

Кроме того, возбуждение дела о банкротстве позволяет применить процедуру банкротства – мировое соглашение, предметом которого может быть договоренность между должником и кредиторами о прекращении обязательств должника, прощении долга, отсрочке или рассрочке причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов и пр. Несмотря на изменение диспозиции ст. 197 УК РФ, по-прежнему верным находим суждение о том, что к заключению мирового соглашения «прежде всего стремятся предприниматели или руководители организаций-должников, фиктивно заявляющие о своем банкротстве». В данном случае заключение мирового соглашения, с нашей точки зрения, должно охватываться диспозицией ст. 197 УК РФ, поскольку его противоправность обуславливается именно необоснованным возбуждением дела о банкротстве (в частности, заблуждением кредиторов относительно действительного финансово-экономического положения должника).

Таким образом, общественная опасность фиктивного банкротства состоит в необоснованном возбуждении дела о банкротстве, следствием которого могут явиться неблагоприятные для заинтересованных лиц имущественные последствия, предусмотренные как Законом, так и возможными условиями «порочного» мирового соглашения (в случае заключения последнего). Сам Закон также указывает на возможность причинения убытков кредиторам необоснованным возбуждением дела о банкротстве, устанавливая за подобные действия гражданско-правовую ответственность (п. 3 ст. 10).

Содержание объективной стороны ст. 197 УК РФ в ред. Федерального закона от 19 декабря 2005 г., законодателем было дополнено признаком «публичности» заведомо ложного объявления о несостоятельности.

В литературе под «публичным» характером понимают адресацию чего-либо неопределенно-

му, широкому кругу лиц, совершение каких-либо действий в присутствии значительного числа людей [9]. Возникает вопрос: что понимать под «публичным» объявлением о несостоятельности?

Б.Д. Завидов, А.М. Селезнев считают, что «публичное объявление о несостоятельности может иметь место в том случае, если его сделали: руководитель или учредитель (участник) юридического лица и (или) индивидуальный предприниматель» [10, с. 81]. Некорректность указанной точки зрения очевидна, поскольку «публичность», скорее, связывается с формой объявления о несостоятельности, а не с субъектами, которые совершили эти действия.

Т. Оксюк допускает, что ст. 197 УК РФ «будет подлежать применению только в том случае, если ложное объявление о несостоятельности организации было сделано ее руководителем или учредителем (участником) именно в адрес неопределенного круга лиц» [11, с. 48].

Большинство авторов справедливо сходятся во мнении, что преступление, предусмотренное в ст. 197 УК РФ, выражается в совершении процессуальных действий, предусмотренных законодательством о несостоятельности, а сообщение о своей несостоятельности, сделанное вне предусмотренной законом процедуры, не образует фиктивного банкротства, а может образовывать состав иного преступления [9, с. 439].

Закон о несостоятельности, указывая в ст. 55 на фиктивное банкротство как основание для решения арбитражного суда об отказе в признании должника банкротом, также предполагает наличие в этом случае принятого судом заявления, возбужденного производства по делу о банкротстве.

Анализ действующего законодательства о несостоятельности свидетельствует, что опубликованное в СМИ и (или) обращенное к неопределенному кругу лиц заявление о несостоятельности должника, совершенное без обращения в арбитражный суд, само по себе не влечет каких-либо правовых последствий (следовательно, не может повлечь причинение ущерба), а потому не является формой действия в смысле ст. 197 УК РФ. Напротив, именно подача в арбитражный суд заявления должника о признании его банкротом может повлечь необоснованное возбуждение процедуры банкротства и наступление негативных последствий. Кроме того, п. 1 ст. 68 Закона о несостоятельности предусматривает при возбуждении дела о банкротстве необходимость опубликования соответствующих сведений, в связи с чем соответствующее заявление приобретает публичный характер и становится известным участникам производства по делу о банкротстве и иным лицам.

Таким образом, заведомо ложное публичное объявление соответствующими лицами о несостоятельности должника должно выражаться в совершении ими процессуальных действий в рамках законодательства о несостоятельности, направленных на необоснованное возбуждение процедуры банкротства (подаче в арбитражный суд заявления должника о признании его банкротом).

Представляется, что устранением отмеченных в работе проблем законодательной конструкции объективной стороны фиктивного банкротства явилось бы внесение законодателем соответствующих изменений в диспозицию ст. 197 УК РФ. Согласованность уголовно-правовой конструкции фиктивного банкротства с гражданским законодательством о несостоятельности устранил непонимание и трудности в уголовно-правовой квалификации и будет способствовать более эффективной борьбе с данными преступлениями.

Литература

1. Колб, Б. Объективная сторона криминальных банкротств // Законность. – 2001. – № 1.
2. Гув, А.Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей. – М., 2000.
3. Тюнин, В.И. О «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал российского права. – 2001. – № 1.
4. Беркович, Н.В. Банкротство. Уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2002.
5. Яни, П.С. Преступное в бизнесе. – М., 1995.
6. Клепицкий, И.А. Комментарий к уголовному кодексу РФ (постатейный). – М., 2009.
7. Тай, Ю.В. Преднамеренное банкротство // Юрист. – 2006. – № 2.
8. Векленко, С.В., Журавлёва, Е. Нормы об ответственности за банкротство : новая редакция – новые проблемы // Уголовное право. – 2006. – № 5.
9. Особенная часть уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика / под общей ред. В.М. Лебедева и А.В. Галахова. – М., 2009.
10. Завидов, Б.Д. О понятии мошенничества и его модификациях (видоизменениях) в уголовном праве // Право и экономика. – 1998. – № 10.
11. Оксюк, Т.Т. Правовое положение управляющей компании паевого инвестиционного фонда. – М., 2004.